

О. Н. КАЛУГИНА

СУРОВЫЕ ГОДЫ

В 1917 г. на ст. Бузулук я поступила ученицей на железнодорожный телеграф. Работа меня очень интересовала, и я быстро освоила работу на аппарате.

В октябре 1917 г. в мое дежурство Самара передала нам, что в Петрограде власть перешла в руки Военно-Революционного Комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

Я поспешила домой и рассказала об этом своему родственнику Г. Н. Калугину, который, как я знала, был большевиком.

Вскоре поступило другое сообщение: в Самаре 26 октября провозглашена Советская власть, организован революционный комитет.

В Бузулуке зашевелились железнодорожные рабочие, особенно паровозного депо. Начались митинги, собрания. Здесь я впервые узнала, что и у нас среди железнодорожников, особенно среди депоовских рабочих, были большевики: Болотин, Козин, Иванов, братья Г. Н. Калугин, Ф. Я. Калугин, братья Старожиловы и другие.

По примеру Самары в Бузулуке также был органи-

Калугина Ольга Николаевна (р. 1898) — с 1917 г. была телеграфисткой на ст. Бузулук, затем работала женорганизатором на ст. Колтубанка, заместителем председателя и председателем Боровского сельсовета, начальником отдела кадров завода. Член КПСС с 1919 г. В настоящее время — персональная пенсионерка.

зован ревком, в который входили: Болотин, Бебин, Козин и другие. Работая на телеграфе, я пользовалась большим доверием большевиков и сама сочувствовала им. Ревком поручил мне принимать и передавать все секретные телеграммы для ревкома и райкома партии.

Мои братья были большевиками, сама я хотя формально не состояла в то время в партии, всей душой была с большевиками. Поэтому я пользовалась доверием ревкома, который поручил мне следить, чтобы как поступающие для него, так посылаемые им телеграммы не задерживались и немедленно передавались по назначению.

Много сил и энергии отдали большевики и все рабочие Бузулука в период борьбы с Дутовым, который захватил власть в Оренбурге в первые же дни после Октябрьской революции. Прошло всего несколько месяцев после изгнания из Оренбурга Дутова, как нависла новая, еще более серьезная угроза: начался антисоветский мятеж белочешского корпуса.

Через несколько дней после захвата интервентами и белогвардейцами Самары мятежники подошли к Бузулуку. Трое суток красногвардейцы и немногочисленные советские отряды сражались с регулярными частями мятежников. Но силы были слишком неравные и нашим отрядам пришлось отступить сначала в Оренбург, а потом в Актюбинск.

Последними, прикрывая отступающие части, отходили красногвардейцы железнодорожного отряда. Командир отряда В. А. Болотин в последний момент забежал ко мне на телеграф и сказал: «Оля, ты оставайся до ухода последнего нашего эшелона, наблюдай за всем и сообщи мне об этом в Погромное, а затем уходи сама». Я выполнила приказание Болотина, а затем ушла.

Город и станцию заняли белогвардейцы и интервенты. Начались мои скитания. Я жила кое-где у знакомых, изредка заходила на станцию и телеграф узнавать положение отступивших товарищей.

Некоторые члены партии не успели отступить вместе со всеми и были захвачены белогвардейцами. Г. Н. Калугин и Бебин арестованы и увезены в Сибирь, а Рожкова расстреляли на Овражной улице, которая теперь называется Рожковская.

Осенью 1918 г. Красная Армия очистила территорию

Самарской губернии от интервентов и белогвардейцев. Вскоре был разгромлен и заседавший в Оренбурге Дутов. В Бузулук с Актюбинского фронта вернулись железнодорожники из отряда Болотина. Среди красновардейцев было много рабочей молодежи, большинство из них на фронте стали членами партии, и теперь большевики составляли твердое ядро на железнодорожном узле. Вскоре и я вступила в Коммунистическую партию.

В июне 1919 г. на железнодорожном узле в Бузулуке была создана первая комсомольская организация. Председателем комитета избрали способного и энергичного паренька Ваню Широкова. Все члены партии комсомольского возраста влились в ряды комсомола. Началась горячая работа. Создавались кружки, налаживалась учеба.

Из девушек, кроме меня, в комсомол в первые дни вошли Варя Иванова, Шура Крюкова, Шура Ширяева и несколько позднее Лиза Шугарева, Ольга Каталеева, Таня Половинкина, Нюра Горохова.

Вскоре было созвано общегородское собрание, избрали городской комитет. Председателем выбрали Михаила Николаева.

Тяжелые были 1919-й и 1920-й годы: гражданская война, разруха народного хозяйства, голод, не хватало топлива, у населения не было самых необходимых предметов — спичек, соли, мыла и пр. Тяжело было работать в такой обстановке, но молодежь не падала духом.

Многие уходили добровольцами на фронт гражданской войны, оставшиеся самоотверженно боролись с разрухой. Выходили на воскресники и субботники: ремонтировали паровозы, вагоны, очищали от снега пути, ездили в лес на заготовку дров. Много сил приходилось тратить на борьбу с эпидемией тифа. Большую работу проводили по сбору теплых вещей для Красной Армии, продовольствия для голодающих детей и рабочих Петрограда и Москвы.

Росли все новые и новые комсомольские организации, и не только в городе, но и в деревне. Созвали уездную конференцию, чтобы объединить все комсомольские организации, избрали первый уездный комитет комсомола. В него вошли пять человек: Михаил Николаев, Константин Загаринский, Павел Спиридонов, Ольга Фарафонова и Ольга Калугина. Председате-

лем уездного комитета был избран Михаил Николаев. В помощь комсомолу уездный комитет партии выделил Ивана Коновалова.

Нужны были большие усилия, чтобы вовлечь в комсомол крестьянскую молодежь, создать сеть ячеек на селе. В деревнях нам приходилось бороться с антисоветской агитацией, противодействием кулаков, укоренившимися предрассудками родителей. Но с помощью деревенских коммунистов мы преодолевали эти трудности.

Жили комсомольцы в те годы более чем скромно. Большинство из нас носили военные гимнастерки, зимой — шинели, а кто — овчинные полушубки, обувь была плохая, ребята ходили в старых солдатских сапогах и ботинках или в стоптанных подшитых валенках. Летом девчата носили плетеные из бечевы туфли. Но нас это не смущало. Время продолжало оставаться тревожным. Враг еще не сдавался. То тут, то там вспыхивали белогвардейские мятежи. Все мы, коммунисты и комсомольцы, были бойцами частей особого назначения (ЧОН) и в особо тревожное время нас переводили на казарменное положение. Мы патрулировали улицы, охраняли предприятия и учреждения. Часто нас поднимали по тревоге и направляли вылавливать контрреволюционеров, заговорщиков.

В середине июня 1920 г. командир 9-й кавалерийской дивизии Сапожков поднял в нашем районе контрреволюционный мятеж. Я в то время работала уже самостоятельно телеграфисткой. Все коммунисты и комсомольцы, как один были мобилизованы на борьбу с мятежником Сапожковым. Но против регулярной дивизии наших сил было совершенно недостаточно. С гиком и криком мятежники влетели в город. Начались бесчинства мятежников. Они выпустили из тюрьмы уголовных преступников, на улицах начались дебоши, грабеж. На собраниях и митингах главари мятежа выступали с погромными и контрреволюционными речами, призывали расправляться с комиссарами.

Партийцам и комсомольцам пришлось отступить из города.

В момент мятежа я осталась и продолжала работать на телеграфе. Ревком поручил мне наблюдать за происходящими событиями и через связных передавать сведения товарищам, находящимся вне города.

Трое суток бесчинствовали в Бузулуке сапожковцы, призывая вступить в их «армию правды», но никто не поддержал их, а когда из Оренбурга и Самары подошли красноармейские отряды, мятежники бежали.

Так в огне боев с контрреволюцией на фронтах и в борьбе с хозяйственной разрухой в стране росло и крепло комсомольское поколение.
